

ЛЕРМОНТОВ
ВЛАДИМИР

VLADIMIR LERMONTOV

Дельфания

БОЛЕЕ
10000000
ЧИТАТЕЛЕЙ

Сокровенные
истории

Владимир Лермонтов

Дельфания. Сокровенные истории

«Свет»

2011

УДК 82-31
ББК 84+86.4

Лермонтов В. Ю.

Дельфания. Сокровенные истории / В. Ю. Лермонтов — «Свет»,
2011

Владимир Лермонтов – потомок древнего рода бардов, поэтов и пророков – сам себя шутливо назвал в этой повести «писателем, который сочиняет сказки для взрослых». И нельзя не признать, что книги его так окутывают читателя своей лирической поэтичностью и глубиной языка, так захватывают незабываемыми гимнами красоте горных пейзажей и увлекательностью сюжета, что действительно начинаешь чувствовать себя «взрослым ребенком», зачитавшимся причудливой и удивительно искренней сказкой про Любовь. Но сказка ли это? Каждый сам решит для себя... А главное, эта книга – о Любви к Богу и к человечеству, о том, как пережить душевные страдания и выйти из них с укрепленным духом, как увидеть Божественное даже в таких жизненных событиях, которые кажутся трагедиями, и не потерять Веру, Мечту, Любовь к жизни. Это книга-призыв к воспоминанию о Божественной природе человека и к осознанному восприятию наступающей Новой Эпохи, центральную роль в которой должна сыграть Россия...

УДК 82-31
ББК 84+86.4

© Лермонтов В. Ю., 2011
© Свет, 2011

Содержание

Часть первая. Странники уходят в небо	6
Глава 1. Перейти через пустыню	6
Глава 2. Тревожные знаки	9
Глава 3. Праздник жизни	12
Глава 4. Огни до небес	14
Глава 5. Ночь души	16
Часть вторая. Путь без пути	20
Глава 1. Константин и Мария	20
Глава 2. Страстные дни Нового Афона	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Владимир Лермонтов

Дельфания. Сокровенные истории

Дорогие мои люди!

Никогда не отчаивайтесь!

За каждым поражением, неудачей, провалом открывается новая дорога, новый путь, который ведет к новым, еще невиданным вершинам любви, несказанным долинам счастья и бескрайним просторам радости. Главное – знать это и не остановиться, не задержаться у горя, не приковаться к нему душой и разумом, обрекая себя на бесконечные переживания и страдания. Идите вперед, там ждет вас праздник, там ждет вас счастье и нежность, там все изменится, сбудутся все мечты и начнется новая, удивительная жизнь.

Часть первая. Странники уходят в небо

Глава 1. Перейти через пустыню

Я сижу на скамеечке у открытой печи в своем маленьком глинобитном домике в поселке Горный и смотрю на огонь. За окнами гуляет глубокая осень. Дуют северные ветра, шумят мои мачтовые тополя, по миру носятся в последних круговоротах и танцах сухие листья. Что может быть лучше и приятнее, нежели смотреть на огонь в печи! Какие только мысли не проносятся в голове, какие только чувства не всплывают в эти магические моменты! Ты будто уносишься куда-то вдаль и растворяешься в каких-то неведомых просторах, там, где мечты и реальность, фантазии и действительность переплетаются в замысловатых узорах и где уже не отличишь, что было на самом деле, а что лишь только привиделось или приснилось.

Только в моей жизни все наоборот, ведь то, что со мною происходило в последние годы, воистину похоже на волшебный, сказочный сон. И я уже осознал, что на самом деле реальность гораздо более фантастична, нежели может представить самое изощренное воображение. Нужно только расширить свое сознание до того уровня, когда жизнь начинает открывать невероятные просторы чудес. Тот, кто старается что-нибудь выдумать, страдает слабым зрением, ибо не видит, что, во-первых, все уже придумано, а во-вторых, самое удивительное находится рядом, нужно только разглядеть его и сделать шаг ему навстречу. Поэтому мои мечты, как ни парадоксально, более реальны, нежели настоящая жизнь, ведь то, свидетелем и участником чего я стал вольно или невольно, не вписывается ни в какие рамки общего понимания.

В свете огня из печи я листаю свою книгу «Праздник навсегда!», которая еще пахнет свежей типографской краской. Я исполнил наставление старца Арсения и написал книгу. Теперь наступило для меня время одного-единственного вопроса, который уже преследует меня: «Происходило ли на самом деле все то, что описано в этой книге?» И я не знаю, что отвечать. Ведь многое, чем живет человечество, что наполняет смыслом жизнь, вдохновляя людей на самое прекрасное и великое, также невидимо, также находится на грани вымысла и реальности. Миллиарды людей не видели Всевышнего, но верят в Него, следуют Его законам, ощущают Его присутствие и чувствуют Его поддержку. И поэтому я говорю, что на этот вопрос не даю ответа, потому что каждый должен на него ответить сам.

Но сейчас это не главное, поскольку то, что со мною произошло впоследствии, после того как Арсений покинул меня, еще более невероятно и удивительно. Теперь я греюсь у печи и думаю, написать ли об этом? Стоит ли вновь становиться объектом расспросов и тысячу раз слышать: «Это что, на самом деле было?» Впрочем, мне не привыкать. Пусть думают, что пожелают, главное, что ЭТО действительно было, что ЭТО сегодня, сейчас греет мое сердце и душу, наполняет все мое существо каким-то несказанным состоянием радости и счастья.

Однако прежде, чем начать свою сокровенную повесть, я задам вам один очень важный для меня вопрос. Сейчас я схожу за дровами, а вы пока подумайте. Вопрос звучит так: «Скажите мне, дорогие земляне, чему главному мы должны научиться в этой жизни? Что нам нужно уметь, чтобы пройти по этой планете свой путь?» Ну, думайте, а я пошел.

А на улице – первый снег! Что за чудо, когда кружатся и падают с неба белые хлопья-кружева. Ведь в этом столько музыки и танца, столько игры и радости, что само по себе созерцание подобной красоты позволяет увидеть мир как бы изнутри, бытие в своем основании, где вечно струится нежность и любовь.

Вот и мой домик припорошивает снегом. Мой домик – это абсолютная копия домика М. Ю. Лермонтова в Тамани, здесь именно такие и строят: прямоугольник, состоящий, по сути, из одной комнаты, разделенной на две половины печью. Справа примыкает маленькая

пристройка – сени. Мазанка. Выше домика поляна, на которой все лето кипит разнотравье, а весной благоухает чабрец. И сразу за поляной – лес. Грибы можно встретить тут же, сразу, стоит сделать несколько шагов в лесную чащу.

Поселок Горный – самое удивительное и загадочное местечко на Северном Кавказе. Именно здесь проходит граница, за которой открывается та страна, зона, если хотите, где невозможное становится возможным, где небо прикасается к земле, где сбываются самые сокровенные мечты. Я живу здесь уже не один десяток лет, но до сих пор многое для меня здесь остается тайной, загадкой, которую я силюсь разгадать. Однако эта страна открывается не тому, кто странствует по ней, так сказать, физически, а тому, кто путешествует внутрь себя, в недра собственной души и сердца. А вот это самое трудное, потому как куда легче освоить и открыть земные просторы, нежели внутренние, духовные. Потому главный закон этой таинственной зоны таков: открыл что-то в себе, поднялся на одну ступеньку к свету, любви и добру – и эта загадочная страна также отворяет для тебя соответствующие ворота, позволяет прикоснуться к тайне. Не можешь или не хочешь в себе что-либо менять – ничего не увидишь, ничего тебе не откроется. Будешь так же, как и туристы или грибники, бродить по волшебным местам, как по обычному лесу, и ничего тебе не распадется.

По сути, страна эта не скрывается, не прячется, а напротив, как бы зовет к себе: «Придите, люди, и возьмите все богатство, какое здесь есть. Ведь оно для вас! Для вашего счастья, здоровья и любви здесь собрано. Наследуйте все это и будьте счастливы навсегда!»

Когда-то на этой поляне, что выше дома, которая сейчас покрывается снегом, стояли два «странника», так я называю часовню и колоколицу. Срубил я их для того, чтобы приобрести небесные знания. Эти деревянные строения стояли как раз на входе в страну сказок и всегда были распахнуты для всех, кто пожелает научиться тому, чтобы с ним происходили чудеса. Теперь их нет. «Странники» ушли и, наверное, навсегда. Они ушли в огненном столпе в небо. Теперь они там (я показываю на небо). А здесь остались только камни и фундамент. Как это произошло? Я расскажу, хотя и не хочется об этом вспоминать... Почему у меня на щеке слезинки? Это снежинка растаяла. У вас ведь тоже были в жизни моменты, когда снежинки таяли на щеках. Пойдемте в дом – здесь, на улице, уже прохладно. Погреемся у печи, попьем чаю, и я сам отвечу на тот вопрос, который вам задал.

Самое главное, чему я учусь в этой жизни, – так это тому, как преодолевать пустыни, которые встречаются на нашем пути. Пустыни, которым, кажется, нет конца. А ты идешь, один на один с самим собой, один на один с вечностью, которую нужно осилить. Как просто! Нужно просто пройти через вечность. Сколько таких пустынь каждому из нас приходилось преодолевать, когда вдруг случается что-то горестное, скорбное и нас забрасывает в бескрайние дали тоски, печали и безысходности. Кто-то плачет, кто-то стонет, а кто-то даже проклинает судьбу, себя, весь мир. Я тоже прежде так же вел себя, а потом научился жить с этим, а главное – не только жить, но и проходить через это, и начинать новую жизнь тогда, когда она потеряла смысл. Когда все краски бытия стали черно-белыми, а небо души затянуто свинцовыми тучами и не видно, куда идти, да и вообще есть ли какой бы то ни было выход из этой пустыни отчаяния, скорби и уныния.

Но нужно жить и идти.

Не мы придумали жизнь, не мы устроили ее, не мы принесли себя на землю, не нам выбирать. Нужно принять жизнь, принять такую, какая она есть, какую нам даровал ее Всевышний, без мудрствования, осуждения и отчаяния. В ней много зла, жестокости, насилия и несправедливости. Может казаться, что мир уже тонет, как «Титаник», и в этом есть правда. Но правда есть и в том, что от жизни нельзя спрятаться, нельзя скрыться, нельзя уйти – она везде и везде потребует от нас того, что мы должны сделать и совершить в ней.

Нужно жить...

И смотреть пустыне прямо в глаза, чтобы за всей ее суровой жестокостью увидеть Божие присутствие, Божий замысел и Божию скорбь по поводу того, что люди сделали со своей жизнью. Тогда, может быть, придет осознание того, что мы распяли жизнь, прибили ее гвоздями к кресту, и она медленно испускает дух. Придет понимание того блага, которое Господь даровал людям, дав им то же, что имеет Сам, поделился с людьми Своею Жизнью. Небо и солнце, моря и ветры, леса и реки, звезды и планеты, любовь и счастье, сердце и душа, птицы и облака – все Господь даровал нам по несказанной любви Своей.

Нужно жить и проходить через пустыни...

Принять все и все пережить. Все пропустить через себя, через свое сердце и в итоге оставить позади себя все скорби, печали, обиды – вот тогда придут Любовь и Праздник. Придут не как далекие, недоступные звезды, которые можно видеть только ночью, в тихую и ясную погоду, а как восход солнца со всей своей музыкой, танцами и пением, которое начнет оживать и воскрешать все мертвое, серое, мрачное. Придет новый свет, новая жизнь, новое счастье. Но прежде нужно пережить старую, ветхую жизнь – пройти через пустыню. Когда ты чувствуешь себя жалкой, потерянной, брошенной на произвол судьбы песчинкой. Когда кажется, что Бога нет вовсе или Он забыл о тебе.

А знаете что, напоследок я вам покажу свою записку, которую я написал, когда преодолевал последнюю пустыню. Никому не показывал, а вам покажу.

Вопрошал у птиц я, у зверей лесных, у березок нежных, у цветов степных, но ответ не слышал на вопрос я свой, все кружилось, пело, опьянев весной. Лишь один я в мире со своей мечтой, со своею болью путь искал Домой. Где же Ты, небесный мой Отец родной, почему не слышишь голос хрупкий мой? Отчего скрываешь от меня Себя, разве Ты не знаешь, в чем судьба моя? Сколько нужно тропок и дорог пройти, чтоб через пустыни до Тебя дойти? Сколько нужно боли, сколько слез пролить, чтоб Тебя к ответу моему склонить? Но молчало небо, облака неслись... Где Ты, Боже, где Ты, слышишь, отзовись! Но минули годы, снег сошел с души, и Господь открылся, и сбылись мечты. Он сказал: «С тобою рядом был всегда, летом и зимою шел с тобою Я. А когда ты падал, мокрым был от слез, на руках тебя Я очень нежно нес. Просто ты не слышал, сзади, за тобой, шел Я неотступно, сын Мой дорогой. Говорил с тобой Я через пенье птиц, чрез цветы лесные, через свет зарниц. Никогда Себя Я не скрывал, поверь, вся душа живая, даже дикий зверь, говорят со Мною, слышат голос Мой, через них беседы Я веду с тобой. Голос Мой подобен трелям соловья, а слова струятся, словно звон ручья, говорю Я ветром, говорю весной, говорю Я солнцем, небом и землей. Через все, что видишь, Я несу Себя людям, зверям, птицам, не скрываюсь Я!

Мне кажется, в этом есть что-то от стихов, а самое главное, в этом есть что-то важное, то важное, что может помочь и вам преодолевать пустыни, которым нет конца, но которые рано или поздно кончаются лишь для тех, кто идет даже тогда, когда идти некуда. И приходит к большой Любви. Я вам скажу суть и открою тайну: в конце каждой пустыни находится сказка, которая нас ждет. Там все-все наши мечты сбудутся. Это верно и истинно! Я проверял.

Глава 2. Тревожные знаки

Наступала весна, прошло уже несколько месяцев, как старец Арсений покинул наши края. Где он и что с ним, я не ведал. Жизнь моя текла своим чередом. Только одна вещь напоминала мне о невероятных прошлых событиях – узелковая книга старца. Хранил я ее в часовне под большой иконой Богородицы. Порою, но не часто, я просовывал руку под икону и доставал клубок. Для меня это превращалось в священнодействие, и мне не хотелось, чтобы это соприкосновение потеряло свою остроту. Мне казалось, что если я часто буду брать в руки эту чудную книгу, то сокровенность уйдет, исчезнет. Нить будто излучала нежность души и теплоту рук Арсения. Я смотрел на клубок, и во мне оживали уже казавшиеся давними невероятные события. Лампадка едва освещала пространство часовни, ведь прикасался к книге я только поздним вечером, чтобы никто и ничто не могло нарушить мой покой.

И еще Лучик напоминал мне о прошлом. Он весело бегал по лужайкам возле дома и, возможно, ни о чем не думал, а просто принимал жизнь как она есть, без мудрствования и рассуждений. Этому я еще не научился, а хотелось бы.

Именно весной невесть откуда появилось чувство приближающейся тучи. Вначале я гнал от себя эти спонтанные ощущения тревоги, но потом все чаще и отчетливее они стали вещать о том, что скоро придет гроза. Ласково светило солнце, появлялись первые цветы, бойко чирикали воробьи, а у меня на душе было беспокойно.

Я знаю, что любые грядущие события имеют предвестников – знаки, которые как бы предсказывают будущее. Сначала эти знаки слабые и неопытному человеку могут казаться ничего не значащими пустяками. Меня же жизнь научила тому, что пустяков и мелочей не бывает, и потому я очень внимательно отношусь даже к тому, на что другие не обращают внимания.

Той весной лес наполнился черепахами, и такое нашествие я наблюдал впервые. Пройдя по лесу несколько сот метров, можно было встретить пару, а то и больше этих лесных обитателей. Причем при своем движении они производили такой шум, что казалось, по лесу осторожно пробирается большой зверь. Честно скажу, вначале меня это пугало. Идешь по лесу – и вдруг громкий шорох! Останавливаешься и начинаешь высматривать этого зверя, а его нет нигде. Вот опять шорох, и вновь ничего не видно. И только потом, когда определишь, откуда раздается шум, и пойдешь на него, встретишься с возмутителем твоего спокойствия. Я расспрашивал у старожилов по поводу этого нашествия черепах, они сказали, что такое было перед войной.

Но жизнь продолжалась, и я все-таки верил, что все будет хорошо, по крайней мере мне очень хотелось, чтобы так действительно было.

Когда была построена часовня, то на поляне перед ней я посадил двенадцать березок в честь двенадцати Апостолов. Со временем девять саженцев погибло, осталось только три. Та березка, что росла в самой близости часовни, в трех метрах от входной двери, наиболее окрепла и разрослась. Наверное, потому, что сама часовня излучала особую благодать и живительную энергию, которая усиливала рост дерева. Ведь известно, что в тех местах, где особая духовная благодать, где люди стремятся к совершенству, деревья растут особенно хорошо. Причем определяется это по кольцам, и таким образом можно даже выяснить с помощью деревьев, которые растут около монастыря, когда он был действующим, а когда его покинули монахи-молитвенники.

Скажу вам, что в наших краях березки – редкость, а к ним у меня отношение особое. Все-таки здесь, на юге, тоскуешь по северным лесам, по березовым рощам. Потому я относился к этим хрупким северным гостям с особой теплотой и нежностью.

Было обычное ясное весеннее утро. Все березы были сломаны... Не стало больше их. Нет слов описать мое состояние, да и нужно ли? Боль застыла в сердце, будто убили твоих друзей.

Через некоторое время исчез и Лучик. Потом я нашел его на поляне. Мне кажется, что он был придушен. Возможно, чужой собакой. Я закопал его в лесу. А потом произошло событие, которое явно указывало на грядущую грозу.

Был солнечный, теплый майский день. Я писал книгу, как вдруг ко мне пришли люди и стали что-то говорить – о чем, сразу я не мог толком разобраться, так как они были крайне возбуждены и чем-то поражены. Оказалось, что они пришли в часовенку помолиться. С ними был мальчик лет десяти. Взрослые молились, а он гулял по дороге, которая проходит чуть выше часовни. Вдруг из леса выскочила – именно выскочила, а не выползла – огромная змея и погналась за мальчиком. Он принялся бежать от нее в сторону часовни, она за ним. Двери часовни были открыты, там стояли его родители и молились. Он запрыгнул в часовню – змея заскочила за ним и мимо людей устремила к иконостасу. Залезла за большую икону Богородицы и выглядывала из-за нее.

Сердце у меня стучало, как пулемет. Что за чертовщина, думал я. Что за безумие? Сколько я здесь живу, никогда такого не случалось. Конечно, бывали змеи, но как только они видели людей, так немедленно уползали и прятались. А тут нападает на ребенка, да к тому же не боится людей и проскакивает мимо них в часовню. Это уж слишком! Потом все происходило как во сне. Я поднялся наверх и, отправив всех вниз, к своему домику, стал наблюдать. Змея действительно была огромна – толщиной с запястье моей руки, длиной примерно два метра. Она сидела именно за той иконой, где я прятал узелковую книгу, и выглядывала оттуда. Во всем этом была видна явная бесовщина или какое-то серьезное знамение. Змея за иконой! Получалось, что молиться нельзя, ибо будешь молиться на змею. Я не знал, что делать. Взял топор и стал выжидать. Змея не предпринимала никаких действий, и я тоже не мог принять никакого решения. Убивать змею мне очень не хотелось, с одной стороны, а с другой – я опасался ее агрессивности, ведь она может вновь сюда вернуться. Я отправился к тете Вале Жук – местной жительнице, знатоку природы и этих мест, и мы пришли с нею вместе. Она взяла тяпку, я – топор, и мы начали ширять палками, чтобы змея вылезла из-за иконы. Напряжение в этот момент достигло предела. Змея стала выползать и устремила в щель, чтобы уйти под пол. Мы принялись лихорадочно бить – я ударил три раза и промахнулся, тетя Валя тоже не попала, хотя мы должны были попасть. Будто невидимая сила отводила наши удары, и они приходились по полу, по стене, но не достигали своей цели.

Змея ушла под пол, и теперь непонятно было, как ее оттуда выудить. Тетя Валя сказала, что это полоз, он не жалит, а кусает и порой очень вредит скотине, так как вырывает целые куски мяса. Стала рассказывать, что как-то оставила теленка на траве, а сама отлучилась на минутку, приходит, а тот кровью истекает, на животе большая рваная рана. Час от часу не легче, думалось мне. Тетя Валя ушла, а я остался один в часовне, где спряталась эта безумная змея. Я уже как охотник ждал, когда она вылезет, и через час мои ожидания увенчались успехом, она стала выползать. Из-под стены часовни она вылезала наружу, на фундамент, я быстро подскочил, и был момент, когда я мог спокойно разрубить ее, так как отверстие было маленьким, и она медленно появлялась из него. Голова ее уже скрылась за углом часовни, а тело ползло, она не видела меня. Я смотрел на нее оторопело и ничего не делал. Так не хотелось убивать. Вот появился ее хвост, и она вся ускользнула в траву. Все, момент был упущен. Я принялся шарить в траве, так как ее нужно было отогнать в лес, от часовни, от дома, от мест, где мы ходим. Но сколько я ни рассматривал траву, ее нигде не было. Змея как сквозь землю провалилась!

Хотя тетя Валя потом убеждала меня, что мы ее серьезно напугали и она больше сюда не вернется, однако на сердце и душе было скверно, потому как во всем этом была какая-то мистика, знамение, которое следовало осознать и принять правильное решение, что делать дальше. Прошел день, другой, переживания и эмоции улеглись, и мы успокоились.

На третий день мы с другом вечером сидели у очага, который находится в пяти метрах от дома. Мы развели огонь, сварили кашу. Было уже около двенадцати ночи, мы сидели под темным звездным небом, смотрели на тлеющие головешки и разговаривали. Настроение у нас было мирное, возвышенное, ибо это то время, когда наконец можно посидеть в тишине, расслабиться и отдохнуть от суеты дня, от зноя и забот.

Рядом с очагом сделан столик из большого плоского камня, на котором мы обычно ставляем посуду и за ним же кушаем. Камень одним своим концом лежит непосредственно на стенке очага. Мы сидели так, пока не собрались ложиться спать. Я прихватил ведро и отправился к колодцу за водой, а мой друг пошел в дом за тарелкой, чтобы потом вернуться и выложить кашу из чугуна, который стоял на столе. Было темно, да к тому же у него слабое зрение – он носит очки. Он вернулся к очагу с тарелкой буквально через полминуты и, расположившись напротив стола, принялся перекладывать кашу. Потом он рассказывал, что почувствовал, как правой ногой наступил на что-то мягкое, похожее на кусок резинового шланга. Он вначале не обратил на это внимания и продолжал свое дело, пока не взгляделся наконец внимательно в то, на чем стоит его нога. Это была огромная змея, которая свилась нижней своей частью в спираль, а голова ее замерла на уровне его пояса! Подобно тому, как стоит в своей знаменитой угрожающей стойке кобра. Он бросил тарелку и метнулся в дом, лица на нем не было. Я мигом схватил фонарь и выскочил к очагу, но там уже ничего не было, сколько я ни исследовал ближайшую территорию, змея как в воду канула. Это вконец нас расстроило и напугало. Я понял, что это была та же самая змея, что и в часовне.

И ведь самое главное, что стоило нам отойти буквально на мгновение, как змея оказалась у очага. Она не испугалась ни нас, ни огня, хотя находилась в полуметре от него. Что за чудеса? Зачем она приползла к очагу? И еще странно то, что друг стоял на ней, а она никак не реагировала и терпела.

(Потом уже я поднял справочники по змеям и узнал, что это был кавказский оливковый полоз – быстрейшая из змей, она с такой стремительностью может пронестись мимо тебя, что остается впечатление, что промелькнула серая лента. Некоторые полозы не боятся человека, бросаются на него, прыгают высоко, целясь в лицо!)

«Что это за знамение? – думал я. – Что она хотела сказать мне?» Я терялся в догадках и домыслах, но ничего не приходило на ум. Только лишь на сердце становилось все мрачнее и тяжелее.

Глава 3. Праздник жизни

Вот и лето пришло, наступил праздник Святой Троицы, или Пятидесятница. К этому празднику у меня особое отношение. Природа уже вошла в свою силу обновления и расцвета; все поет, кипит, играет и веселится. В это время мы наблюдаем воссоздание того, что казалось зимой мертво и безжизненно. Мы становимся свидетелями чуда – сказки Воскресения. И понимаем, что для Всевышнего нет ничего невозможного, что Создатель устроил этот мир с большой Любовью, влил в каждую частичку Своего творения океан Нежности, Красоты и Благодати.

Скажу вам, что в духовной практике понимание Святой Троицы стоит на высшем месте, потому как осознать и прочувствовать это таинство возможно только высокодуховным людям. Ведь постигнуть, как Господь проявляется в трех лицах, для простого разума непосильно. Для понимания Троицы нужно настежь распахнуть свое сердце, душу. И тогда в них ворвется ветер бесконечной радости, блаженства и любви. Благодарности Всевышнему за то, что ты просто живешь, просто дышишь и любишь величием мира.

Редко кто знает, что в истории человечества зафиксировано всего лишь два явления Святой Троицы. Первое явление трех Странников было Аврааму (примерно за 2000 лет до Р.Х.), второе – Валаамскому подвижнику и молитвеннику преподобному Александру Свирскому в 1507 году. Три Мужа, облаченные в светлые одежды, осиянные Небесной славой, посетили монаха Александра.

Много храмов на Руси построено в честь Святой Троицы. В канун этого чудного праздника храмы украшают растениями, травами, цветами. И я, как никогда, постарался нарядить свою часовенку зеленью. Будто чувствовал, что делаю это в последний раз. Если бы вы тогда заглянули внутрь часовенки, то ахнули бы, насколько красиво, необычно, просто сказочно получилось! Будто попадаешь в иной мир, страну детства, радости и леса. Воздух часовенки наполнился ароматами трав, восковых свечей, ладаном. Сладость, покой, безмятежность заполнили все пространство. Каждая икона, а их было более двухсот, была украшена цветами, а большие иконы – еще и рушниками.

Было много гостей, немало слов, добрых пожеланий. Много было колокольного звона. Я залезал на колоколицу, а там всегда было ветрено, и небо будто становилось ближе. Один колокол, большой, носил имя Владимир, второй, поменьше, – Ольга, и еще два куса рельса здесь висели. Что за чудный перезвон получался! Будто весь мир наполнялся весельем, радостью, а главное – верой в добро и в то, что все самые лучшие наши мечты сбудутся.

Уже поздно вечером я, оставшись один, совершал вечернее молитвенное правило в часовенке. Я стоял на коленях, опустив на пол руки, а на них положил голову и закрыл глаза. В таком положении я оставался, наверное, долго. Как вдруг я ощутил физически, что одна моя рука лежит на одном большом крыле, а другая – на другом, и эти крылья, то есть, по сути, пол, разделившись на две половины, стали взмахивать вверх-вниз, и мы все вместе стали подниматься вверх! Будто часовня действительно была застывшей деревянной птицей, которая вдруг ожила и начала взлетать. Мы поднимались все выше и выше. Это было чудесное переживание, будто наяву я летал на деревянной птице за облака.

Потом, выйдя из часовни на поляну, я осмотрелся вокруг. В лунном серебристом свете на поляне стояли часовня и колоколица, и виделись они как два странника: один маленького роста, полный, мудрый; другой высокий, худощавый, сложенный непропорционально, чуть сгорбившийся, на голове шляпа, слегка съехавшая набок. Можно ли передать такое необычное видение словами – странники шагают по земным дорогам и небесным просторам среди мерцающих звезд! Они остановились на мгновение на поляне, перевели дух и вот-вот тронутся в

свой бесконечный путь по вселенной. Куда они следуют? Зачем? Какие тайны мира разгадали они? О чем они могут поведать тем, кто встретится им на пути?

Я спустился к домику, оглянулся назад и вдруг увидел, что с небес упала ярко-синяя звезда прямо на крест часовни и своим светом «облила» все строение.

Тогда я долго не мог заснуть и думал о том, что здесь, в Горном, все иначе, нежели в обычном мире. Потому как Горный созижден не на разуме, а на иррациональном. Главные дорожки пролегают здесь не по поверхности земли, а уходят в глубину собственной души и сердца. Тут можно бродить тысячу лет, а потом узнать вдруг от постороннего, что ходишь по самым святым и загадочным местам России. Здесь возможно сидеть и сутками смотреть во все глаза, но с тобою ничего не произойдет и ничего не случится. Ты можешь каждый день пить святую воду и обливаться ею, но так и не уразумеешь, в чем же ее святость, в чем ее сила и благодать.

Многие, впервые попав сюда, изумляются несказанной природе, чистому воздуху, живописному ландшафту, но этим их впечатление ограничивается, потому как им не дается возможность проникнуть в суть, в сокровенный, тайный смысл этих мест. Здесь все не так, здесь все физические и человеческие законы вывернуты наизнанку. Даже в физическом теле ощущаются перемены и перестройки, когда попадаешь сюда. Теряется обычный вкус, сон и все другие чувства становятся не такими, как всегда.

Многие, живущие в Горном, до сих пор не поймут, зачем сюда приезжают люди из разных краев и мест России, что они здесь ищут? Но даже если вы и знаете, зачем сюда пришли, и ведаете, что делать, то это будет только началом неимоверно сложного, запутанного, полного опасностей пути. Вы вдруг почувствуете стену, за которой скрыта тайна. Если у вас хватит мужества пойти дальше, то для вас начнется дорога испытаний. Всевышний станет водить вас через ловушки и, попав в одну из них, вы можете остаться в ней навсегда, сказав себе: «Ну что ж? Видимо, такова воля Божия». На самом деле Господь повел вас через это болото, в котором вы застряли, не в наказание, а для того, чтобы подготовить вас и научить чему-то большему. И каждое очередное испытание – не конечная цель вашего пути и не срыв, не катастрофа, а лабиринт, из которого нужно искать правильный выход, изменив что-то в себе. Для этого надо понять и осознать, что же в этом лабиринте вас не выпускает на волю, что внутри вас несовершенно и требует преображения. Потому следует ползти и карабкаться вперед, хотя кажется, что провалился в какую-то безнадежную яму, пропасть, из которой уже никогда не вырваться.

Вскоре я поехал в город по делам. Как всегда, проезжая мимо поляны, перекрестился и стал спускаться по каменистой дороге к железнодорожному переезду. Как только я выехал на трассу, внезапно начался такой ливень, какого я в своей жизни не припомню. На землю с небес буквально хлынула стена дождя. Ехать было невозможно, дворники машины не успевали сбрасывать воду с лобового стекла, и пришлось остановиться. Я смотрел на шумные небесные воды и еще не догадывался, что природа плакала, проливала слезы, предчувствуя, а вернее, зная, что будет дальше.

А дальше я остался ночевать в городе, и на следующий день мне позвонили из Горного и сказали, что часовня и колоколица в эту ночь сгорели дотла...

Глава 4. Огни до небес

Я стоял на поляне и отказывался верить своим глазам. По поляне стелился дым, догорали головешки колоколицы. Шумели своими опаленными листьями близстоящие дубы.

То же солнце, то же небо, все то же, но только без моих деревянных странников. Их не стало. Они умерли.

Милиция, прокуратура, пожарные, просто люди. Много людей, много вопросов, много бумаг, но все это уже для меня протекало как во сне и не имело никакого значения. Я механически подписывал какие-то документы, ходил по кабинетам, что-то говорил, объяснял, но в душе у меня водворялась зима. Впереди распростерлась пустыня, которой не видно было конца. Я остался один на один с этой мрачной пустыней.

Ночи стали испытанием, ибо я долго не мог заснуть, только лишь под утро в изнеможении проваливался в бессознательную яму, где не было снов, не было ничего, в том числе и меня. Еще более мучительным было утро – едва я приходил в сознание, на меня обрушивался водопад переживаний. Быть может, это мне все приснилось? Наверное, это был лишь дурной сон, думалось мне в первые моменты пробуждения. Но оказывалось, что это был не сон, а что ни на есть самая натуральная явь. И с этой реальностью нужно было учиться жить.

Первое, за что ухватился мой разум, как за спасительную соломинку, – что я отстрою часовню и колоколицу заново. Не хочу жить на могиле, на пепелище! – восклицал я в душе своей. Я даже заказал кирпичный проект часовни, в венце которой хотел разместить колокол, чтобы не восстанавливать еще и колоколицу. И кое-как это направление мыслей и действий приносило некое успокоение. Однако вскоре я понял, что на воссоздание часовни у меня нет никаких шансов, потому что для этого нужны деньги, и немалые. Но что меня более всего угнетало, так это холодок, который я чувствовал от людских взоров на своей спине. Постепенно потянулись такие разговоры, что, дескать, его, то есть меня, Бог наказал. «Видимо, он что-то не так делал, в чем-то согрешил, вот и получил по заслугам», – такие речи доносились до меня, как сквозняки из щелей.

И я думал, что если Бог наказал таким образом меня, то почему и другие, те, для которых это место, эти часовня и колоколица, стали духовным пристанищем, также наказаны? Они-то при чем? А те двести икон, которые я самолично изготовил и развесил в часовне, для чего уничтожены? Одним словом, больно было все это слышать, но нужно было пройти и через эту полосу несправедливости.

Конечно, многие сочувствовали и воспринимали случившееся как личную трагедию. Некоторые даже плакали. И все задавали один и тот же вопрос: «Кто же это сделал? У каких подонков рука поднялась на святое?» Я также отправился по этой бесконечной и бессмысленной дороге. Бессмысленной потому, что ведет она в лучшем случае в никуда, а в худшем заводит в болото ненависти, осуждения и гнева. Наказания! Вот чего более всего жаждет разум, и хотя это возможно и естественно, но, с другой стороны, ты незаметно превращаешься в некоего палача и оказываешься на одном и том же уровне с невежеством, с которым борешься всю жизнь. Проваливаешься в омут тьмы, хотя стремишься к свету. Понимание того, что нельзя осуждать, даже если твое осуждение имеет под собой законные основания, еще более омрачало мое существование. Я будто попал в замкнутый круг, у которого два полюса, один – горькое отчаяние из-за того, что сожжены странники, а второй – желание возмездия.

Я всеми силами пытался выкарабкаться из этого капкана, постепенно начиная понимать, что даже если виновники и будут найдены, наказаны, это ничего не изменит, а напротив, я стану неким соучастником наказания и буду до конца жизни нести эту карму, ярмо осуждения. А вот этого мне более всего не хотелось.

Я долго думал о тех, кто совершил это преступление, а потом вдруг понял, что важно не то, чья рука чиркнула спичкой и воспламенила часовню, а то, кто втайне или, может быть, даже явно порадовался тому, что часовня и колоколица сгорели. Ведь зло, которое излучается людьми, как бы носится в воздухе и собирается в некий сгусток, пока этот сгусток не накопит критического количества отрицательной энергии. И уже после этого в *кого именно* войдет этот негативный заряд и *кто конкретно* материализует намерения многих – уже следствие, а не причина. Причина в невежестве многих, в несовершенстве десятков и сотен, а реализатор всегда найдется. По этому поводу я вспомнил тогда изречение восточного мудреца, который сказал примерно так: «Люди, помните, что нет на земле такого преступления, в котором бы мы все не приняли участия!» И потому несущественно, кто сделал, а важно то, что мы своими мыслями и чувствами: гневом, завистью, обидой – создаем как раз ту атмосферу, почву, на которой произрастают все преступления мира. Конечно, многие могут сказать, и говорят: «А мы-то здесь при чем? Какое отношение мы имеем к тому, что делают другие?» На что можно ответить: «Давайте замерим, подсчитаем, сколько негативной энергии, сколько вибраций зла, ненависти вы выпустили в атмосферу планеты?»

Одно я понял на всю жизнь: что я ответственен за те мысли и чувства, которые транслируются в пространство из души моей, даже если об этом никто не знает и никто не догадывается, *что* творится у меня внутри. И потому я старался уже не думать о поджигателях, пусть Всевышний Сам разберется и воздаст каждому по делам его.

А тут вскоре после поджога мне сообщили, что преступник найден, задержан и во всем сознался. Мне крайне не хотелось ехать на суд, я уже переступил через порог осуждения, с одной стороны, а с другой – я был почти уверен, что данный человек к поджогу никакого отношения не имеет. Так оно и оказалось.

Щуплый, поцарапанный, замученный парень сидел на скамье подсудимых. Он житель поселка Горный, тридцати лет, был задержан за кражу и драку, а потом еще сознался и в поджоге. Когда он стал рассказывать о том, как это было, – как пнул ногой дверь и она открылась, – я потерял всякий интерес к тому, что происходит в зале суда. Ибо дверь в часовню открывалась не вовнутрь, а наружу. Потом он что-то лепетал про свечку, которую зажег и которая вдруг упала на пол, отчего часовня и загорелась. Во-первых, свечей в часовне не было, а во-вторых, накануне был сильный дождь, а после дождя дерево не только снаружи, но и внутри часовни достаточно влажно. Поэтому поджечь можно было только специально. Я сразу у судьи попросил слова и сообщил, что никаких претензий к данному человеку не имею, так как очевидно, что он к поджогу никакого отношения не имеет. И тут подсудимый сразу оживился и признался, что в милиции его «уговорили» взять на себя вину. И в завершение он сказал: «Я хотя и наркоман, и ворую порой, чтобы прокормиться, но на святое у меня никогда бы не поднялась рука!»

Когда я смотрел на этого парня, то почему-то видел его не в том виде, каков он был в данный момент, а маленьким, в пеленках и распашонках на руках у матери, которая укачивала его, кормила грудью, пела сладкие песни, а главное – любила. Этот «малыш» был когда-то любим, когда-то его ласкали и одаряли нежностью. Он тоже любил жизнь, улыбался солнцу, небу, птицам, маме. Теперь он стал большим, он содеял немало плохого, но жизнь его уже наказала. Он болен СПИДом, он никому не нужен и самое главное – его никто не любит. Быть нелюбимым – самое страшное и тяжелое наказание.

Почему дети России вырастают сорняками? Кто виноват в этом? Что я должен делать, как жить, чтобы колокольчики Святой Руси, как называл детей старец Арсений, распускались, были радостны, гармоничны и совершенны?

Глава 5. Ночь души

Когда я возвращался из города в Горный, то думал о том, что сгорела узелковая книга Арсения. Не уберегли часовню и колоколицу от огня иконки Неопалимой Купины, которые я спрятал под крышами. Единственное, что осталось, так это икона Владимирской Богоматери и колокол Владимир, которые я накануне, не отдавая себе отчета, отнес в домик. Это все, что осталось у меня.

Поздно вечером я вынес колокол Владимир на поляну, повесил его на дуб и негромко позвонил. Одинокие удары тоскливо разносились по окрестности. А я смотрел на небо и ждал, что оттуда придет ответ, что дальше делать, как дальше жить? Ну, если не ответ, то хотя бы знак поддержки. Изредка ночной серебристый бархат неба, на котором рассыпались звезды, разрезали белые следы метеоритов. Своими обожженными листьями тихо шумели дубы – свидетели моей жизни, моих переживаний. Иногда доносились ночные крики птиц. Жизнь продолжалась, а я не мог найти в ней своего места, своего пути. Как дальше жить и что делать? Вопрос, как саднящая боль, охватывал все мое существо.

Я опять возвращался к идее начать все-таки строительство каменной часовни, даже уже мысленно представлял белокаменную красавицу, украсившую место пепелища. Она должна была быть похожа по своему виду на храм Покрова на Нерли, что под Владимиром. На стене я намеревался выложить лики Христа и Богородицы цветной мозаикой. Это было бы чудно!

Но мои мысли вскоре развеяли невесть откуда потянувшиеся слухи о том, что если я и отстрою каменный храм, то и его взорвут. Я начал допытываться у местных, кто это сказал, хотел найти исток этой угрозы. Оказалось, что это просто одной бабушке так подумалось, она ляпнула – молва подхватила и понесла. Вроде можно было мне успокоиться и двигаться в этом направлении, но я подумал, что коли такие мысли парят в воздухе, значит, вполне возможно, действительно могут взорвать.

Что делать? Идти напролом? Воевать? Продираться сквозь препятствия? Зачем? Я почувствовал, что окончательно потерял путь, утратил спасительную нить.

Я бродил по лесу по знакомым, родным местам, но не видел ничего. Моя оболочка перемещалась в пространстве, а внутри у меня господствовала пустота, как в сыром, мрачном под-земелье. Это был как бы я, но и не я. Тоска и отчаяние сжимали своими клещами мое сердце и ничего не помогало: ни молитвы, ни чтение, ни прогулки, ни работа. Все потеряло смысл, все наполнилось кладбищенской пустотой. Мне казалось, что ночь сменяет ночь и рассвет не наступит никогда. Потерянный, как зомби, я шел по горам, почти не понимая, куда и зачем иду. И таким образом я очутился у своего дуба.

От моего домика, если подняться в гору, а потом спускаться вниз в сторону дальней пустыньки, то на половине пути, в лесной глуши, встретится семисотлетний дуб в три обхвата. Могучий горный житель широко раскинул свои ветви. Некоторые ветки обламывались и валялись прямо под ним, а другие еще жили и тянулись к солнцу. За этим дубом я ухаживал, приходил сюда с ножовкой и спиливал сухие ветки. Но самое главное, для чего я прежде приходил сюда, – так это чтобы просто посидеть и расслабиться под кроной великана-мудреца. Сделал специальное сиденье из листьев среди корней, садился, прислонившись спиной к стволу, закрывал глаза и уносился ввысь. Будто жизненный поток дерева подхватывал меня, и я растворялся в нем. Это было похоже на чудесный полет в небо, к солнцу. В эти волшебные мгновения я как бы сливался с зеленым великаном и становился его частью, отдавшись полностью в его власть и доверившись ему без остатка. И мудрец отвечал мне – помогал расслабиться, отключиться от серых мыслей, суеты и забот. Порой таким образом я просиживал часами, погруженный в тонкий, сладостный сон. Я слышал все, что творится вокруг меня, а в то же время летал где-то в небесных далях, несомый живительным потоком лесного великана. После того

как наше общение заканчивалось, я чувствовал себя свежим, отдохнувшим, а разум мой становился похожим на чисто вымытое стекло. Затем я кланялся дубу и благодарил его за помощь. А потом, не поверите, так бегал и прыгал по лесу, будто становился ребенком, и хотелось мне дурачиться и веселиться без предела. Ассоль подхватывала мои озорные игры и включалась в этот прыговорот, который устраивал хозяин, впавший в детство. Вот такой друг у меня был в лесу.

В тот день я чисто механически уселся под дубом с абсолютной уверенностью, что сегодня у меня не получится отключиться. Я скрестил ноги, глубоко вздохнул и закрыл глаза. Ассоль, которая как тень брела где-то сзади, также уже имела здесь свое место и, зная, что останавливаемся мы здесь надолго, прилегла и принялась вылизывать лапы. Мрачные мысли, как серые облака, заполнили небо моего разума. Никакого просвета и никакой надежды на солнечные лучи. Я силился расслабиться и отключиться, но ничего не получалось. Так сидел я с закрытыми глазами и тяжелым сердцем, как мне казалось, не более получаса. И вдруг невдалеке послышался шорох листьев, будто кто-то шел. Я вначале напрягся, а потом подумал, что, видимо, это черепаха ползет. Однако шум быстро усиливался, и я понял, что это не черепаха, что *кто-то* идет по лесу, и самое невероятное, что идет в мою сторону. Я напрягся и попытался встать, но тело мое не подчинялось, будто налилось свинцом и онемело от тяжести. Кровь ударила в виски, сердце бешено застучало, я не понимал, что происходит. Вдруг из кустов вынырнули две фигуры и направились ко мне. Я охнул от неожиданности. Они уже стояли передо мной. Это были два старика, один низкий и полный, а другой высокий, худой, слегка ссутулившийся. Их лица были загорелыми, морщинистыми и добрыми. Только взглянув в их глаза, я успокоился и понял, что у них нет никаких злых намерений.

– Мир тебе, Владимир! – произнесли старики в один голос.

– Кто вы и откуда? – спросил я и вновь попытался встать, но не смог, ибо какая-то сила будто приковала меня к дереву.

– Мы твои друзья, – сказал тот, что пониже ростом, и улыбнулся. – Нечто не признал?

– Да нет, вы ошибаетесь, я вас вижу впервые, – возразил я.

– А ты приглядишься повнимательнее, – подхватил тот, что повыше.

– Нет, – твердо сказал я. – Раньше я вас никогда не видел.

– Не видел! – вместе заулыбались странники. – Каждый день с нами встречался, а теперь не признал. Вот как! – и они посмотрели друг на друга.

Мало того, что все происходящее было нелепо, так и сам тон беседы вовсе поставил меня в тупик. Все это мне даже показалось неким розыгрышем, только не к месту и не ко времени такие шутки.

– Я вас не знаю, отцы, – повторил я.

– Ну что ж, – сказал тот, что потолще. – Я – Часовня.

– А я – Колоколица, – сказал худой.

После этих признаний меня пот прошиб. Я пристально вглядывался в их лица, и внутри у меня что-то застонало и похолодело. Бог мой! – вдруг начал понимать я. – И ведь верно, похожи! Да только разве такое возможно? Острая, как лезвие, скользнула в моем мозгу догадка: наверное, у меня что-то с головой, может быть, на почве пережитого?

– Нет, Владимир, не волнуйся, – произнес Часовня. – У тебя с головой все в порядке.

Они и мысли читать могут, осенило меня.

– Можем. Но главное, для чего мы пожаловали к тебе, – так это сказать, чтобы ты не кручинился и не горевал о нас. Это ведь для людей мы сгорели, а на самом деле нас Господь к Себе забрал. Если сказать по-вашему, по-мирскому, так мы перешли через огонь в другой способ существования – невидимый обычному взору.

– Бессмертный вид у нас теперь, – пояснил высокий странник.

– Мы теперь на небесах, – сказал Часовня. – Нас можно там увидеть, если очами души в небо смотреть.

– Так что живы мы, Владимир, и невредимы, только стали другими. Огонь-то невежество сжигает, а любовь и красоту окрыляет, делает вечной, небесной.

Я старался переваривать услышанное, насколько это было возможно в такой ситуации.

– Что же мне теперь делать? – спросил я. – Как жить дальше?

– А дальше, добрый человек, для тебя начнется новый путь.

– Что же это за путь?

– А путь этот без пути! – приглушенно и таинственно поведал Часовня.

– Как же это понять – путь без пути? – недоумевал я.

– Начало пути – это когда нужно строить вещественные, материальные храмы, чтобы были стены и ученик в них возрастал и мужал. На это время дается и карта, и указания, куда идти, что и как делать. Но как вырастет ученик – стены ему более не нужны, начинается путь без карты, без стен, без указаний. И тогда приходит пора строить внутренний, духовный, так называемый *себенский* храм! – торжественно проговорил Колоколица.

– Вот-вот, – вторил ему Часовня. – Вещественные храмы ты научился строить, теперь учись строить духовные – в сердце и в душе своей. Это и есть путь без пути.

– А строить храм в душе своей, – подхватил Колоколица, – куда сложнее, нежели из бревен или камня. Люди-то научились материальному строительству, а вот духовному еще нет. Не всякому под силу такое, но дело это самое главное и важное. Ибо Господу разве постройки ваши нужны? Разве украшения и подношения? Нет! Ему любящие сердца ваши и светлые души нужны – вот что ждет Создатель от людей.

Эти наставления странных старцев настолько поразили меня своей простотой и глубиной, что я не решался что-либо сказать. Их слова будто пелену с глаз моих сбросили и обнажили то, над чем я так долго и мучительно бился.

– А мне уж стало думать, что, может быть, Всевышний наказал меня. Ведь я так любил вас, а у меня отняли это, – вымолвил я. – Больно это. Очень.

– Не наказывал тебя Господь, – мягко и ласково произнес Часовня. – А выталкивал тебя на новый путь, в новую жизнь. А боли твои и страдания – это боли нового рождения. Женщина в родах стонет и плачет, а потом рождается жизнь – жизнь подлинная, светлая, божественная. И твоя боль, Владимир, – боль потуг, которые выталкивали тебя из прежней утробы в жизнь без рамок, стен, оболочек, в жизнь, где между тобой и Всевышним уже ничего не будет стоять. Где ничто не будет препятствовать воспринимать Его непосредственно.

– Радоваться ты должен! – улыбнувшись, воскликнул Колоколица. – В новую жизнь родился, а он на тебе – горюет!

– Так как же понять самому-то было? – защищался я, а внутри что-то уже ожило и забило еще маленьким, но все-таки родничком надежды.

– Ничего, ничего. Жизнь твоя только начинается, – торжественно заключил Часовня. – Ждет тебя впереди такое счастье и праздник, что и представить себе не можешь!

– Так что же мне делать, старцы, скажите! Не томите, – умоляюще спросил я.

– Сказали мы тебе все, что нам надобно было сказать тебе, Владимир. О большем нас не спрашивай. Пора нам, – засобирався Часовня.

– Ну хотя бы одно словечко! – взмолился я, испугавшись того, что старцы уйдут, а я чего-то у них не выпрошу.

– Хорошо, – Часовня приостановился, тем временем как Колоколица уже почти скрылся в зарослях молодого лесняка. – Запомни имя Иларион. Прощай, Владимир! Мир сердцу твоему, – попытожил Часовня и скоро поспешил за Колоколицей...

Вдруг я открыл глаза и понял, что крепко уснул. Ноги затекли, и у меня не получилось сразу встать. Я выглянул из-за ствола дуба – Ассоль безмятежно спала на боку. Вокруг было

тихо, изредка доносились птичьи голоса. Значит, это был сон! Как странно, думал я и растирал ноги, в которых тысячи мелких иголочек кололи во все стороны.

Наконец Ассоль подняла морду, посмотрела на меня и потянулась.

– Ну что, Ассоль, выпалась? – спросил я собаку.

А та уже отряхивалась и вертела хвостом, предвкушая поход.

– Пойдем домой. Вот только заглянем на источник и попьем воды.

Впервые за последние месяцы я почувствовал, что с сердца у меня будто камень свалился, и я начал даже шутить. Собака, учуяв игривое настроение хозяина, подскочила ко мне, встала на задние лапы и лизнула в лицо, угодив своим носом прямо мне в губы.

– Тьфу ты! – отплевывался я. – Ну хватит!

Но ее уже было не остановить. Она бегала вокруг меня, нападала, убегала, потом стала носиться во всю прыть, совершая прыжки через поваленные деревья, зарывалась в сухие листья, оглашая лес радостным лаем.

Жизнь продолжалась, а точнее – начиналась новая. Вот какая, это еще нужно было понять, а самое важное – надо было уразуметь, что же такое путь без пути и кто такой Иларион?

Часть вторая. Путь без пути

Глава 1. Константин и Мария

Константин и Мария жили в небольшом городке, затерянном в казахстанских степях. Константину было сорок, когда он встретил Марию, девушку двадцати пяти лет, и женился на ней. У него это была уже вторая семья. Первый брак для Константина оказался изначально неудачным. Его первая жена Елена была чрезвычайно эгоистична, заносчива и стремилась к сытой и обеспеченной жизни. Внешностью Елена отличалась весьма соблазнительной и с детства привыкла находиться в центре мужского внимания. Она относилась к той категории женщин, на которых, как пчелы на мед, слетались мужчины. Конечно, Константин всеми силами старался сделать их семейную жизнь счастливой. Кроме основной работы на горно-обогатительном комбинате он постоянно подыскивал побочные заработки и специализировался на ремонте квартир. Через год после свадьбы у них с Еленой родилась дочь Юлия. Константин всегда мечтал иметь дочь, и его мечта сбылась.

В Юленьке он души не чаял, а кроме того, в глубине сердца надеялся, что Елена наконец успокоится и найдет в семье то, чего ей не хватает для полного счастья. После рождения дочери Константин работал еще больше, стараясь обеспечить семью всем необходимым. Приходил домой за полночь, трудился и в выходные. Может быть, это было его ошибкой, ибо он меньше уделял внимания семье и, возможно, это и привело к тому, что Елена встретила другого мужчину, полюбила его и ушла к нему вместе с дочерью. Впоследствии Константин долго и мучительно корил себя за то, что упустил Елену, искал в себе причины разлада, занимался самобичеванием. Но самую сильную боль он испытывал из-за разлуки с дочерью. Елена с новой семьей переехала в другой город, и Константин только раз в год мог приезжать к Юленьке.

Девочка росла с новым отцом, и ей было трудно разобраться во всех этих взрослых премудростях, в том, почему ее настоящий папа не живет с мамой. Константин и сам понимал, что разрывает детское сердечко своими приездами, и понимал, что нужно в конце концов набраться мужества и не беспокоить дочь. Переживания состарили Константина, лицо его покрывлось морщинами и потемнело. Он замкнулся в себе и почти никогда не улыбался.

Константин никогда не верил в Бога – вернее, он, как и многие, верил, что есть какие-то высшие силы, может быть, вселенский разум, информационное пространство, но для него это не имело большого значения. В это время в Союзе начиналась перестройка, и в их городке в здании книжного магазина была устроена церковь в честь святого праведного Иоанна Кронштадтского. Константин уже не помнил, как впервые забрел в храм и зачем. Просто, вероятно, шел с работы и заглянул туда, где поют странные песни, навевающие покой.

Он стоял среди бабушек, горящих свечей и не понимал ничего из происходящего и проносимого священником, но на сердце в тот вечер у него стало немножко теплее и легче. Будто паук, сплетший паутину в его душе, несколько ослабил свои путы. Потом Константин стал все чаще приходить в храм и узнал много нового из области, которая прежде ему казалась выдумкой и фантазией старых людей.

Именно в этот период он делал ремонт в квартире родителей Марии. Там он и встретил ту, которая сняла боль с его души. Конечно, не совсем, но они полюбили друг друга. Константин – скорее отчаяния, а Мария – оттого, что встретила мужчину своей мечты. Она была затворницей, любила много читать и мечтать.

Жизнь пошла своим чередом, и Константин начал постепенно оттаивать от прошлых семейных зим, а когда Мария родила малыша, он расцвел и зажил в полную силу радости и счастья.

Конечно, он мечтал о дочери, но вот он трепетно несет из роддома сына в одеяльце – и радости его нет конца. Мальчик был сильно похож на отца, и Константин очень гордился этим, повторяя: «Ну видно же, что папин сыночек!» А Мария не спорила, она была просто счастлива. Возможно, это был как раз тот случай, когда в семье царил простое человеческое счастье, которое так трудно дается, но для которого на самом деле так мало нужно.

С Еленой Константин почти каждое лето ездил отдыхать на море под Сухуми, недалеко от Нового Афона. В то время путевки давали на комбинате за треть цены. С тех пор как ушла Елена, Константин больше не был на юге, да и не до того было. Сейчас же, когда сыну исполнилось три годика и он окреп, Константин уговорил Марию отправиться на отдых.

Излишне говорить, что Абхазия – жемчужный уголок России. Субтропический климат позволяет произрастать в этих краях цитрусовым деревьям. Осенью сады ломятся от мандаринов и апельсинов. Абхазский хребет, высота которого в районе Сухуми достигает 3156 метров, защищает прибрежную землю от холодных северных ветров, к тому же и море работает как аккумулятор тепла, отдавая зимой то, что было накоплено летом. Температура воздуха в холодные месяцы не опускается ниже плюс восьми градусов.

В общем земля здесь благодатная, природа удивительная. С одной стороны – снежные вершины абхазского хребта, а с другой – море. В лесах полноводные речки, ручьи, водопады, пещеры.

Константин и Мария поселились в одном из военных санаториев, который располагался в двухстах метрах от моря. Внешне все складывалось как нельзя лучше, однако как только они въехали в Абхазию, сразу ощутили какое-то гнетущее напряжение. Люди смотрели настороженно, даже враждебно. Собирались группами, перешептывались между собой, опасливо поглядывая по сторонам. Санатории и профилактории были почти пустыми. Мария сразу почувствовала что-то нехорошее и со второго дня отдыха стала упрашивать Константина вернуться домой. Но Константин и слушать не хотел жену, говоря: отдохнем как положено, и все будет в порядке. Кроме того, у Марии была приятная новость, которой она еще не поделилась с супругом, не будучи полностью уверенной в том, что она беременна.

Через неделю Мария все-таки решила, что наступило время сообщить Константину, что у них будет ребенок. Она втайне надеялась, что это подстегнет его к тому, чтобы быстрее вернуться домой. Ведь все чаще приходилось слышать то там, то здесь страшное слово «война».

Константин был на седьмом небе от счастья и долго кружил Марию на руках.

– Ой, отпусти, безумный, голова закружилась, – восклицала, смеясь, Мария.

– У нас будет дочь! – кричал Константин. – Я чувствую и знаю это.

– Мне тоже так кажется, – вторила ему Мария.

– Я знаю точно! – возглашал Константин. – Мы назовем ее Анна!

А потом он еще несколько раз кричал: «А-а-н-н-а-а!» – и горное эхо вторило: «А-а-у-у-а-а!»...

Константин все-таки согласился немедленно уехать на родину, однако напоследок хотел попасть на экскурсию в афонские пещеры, о которых много слышал, но прежде не мог в них побывать, поскольку они были закрыты для посещений из-за затопления водой.

В тот день они были почти одни. Осмотрев удивительные природные подземелья, они втроем направились к выходу. Константин задержался внутри, а Мария пошла наружу, сказав, что ей не хватает воздуха и хочется подышать.

– Я подожду тебя у входа, – сказала Мария.

– Хорошо, – кивнул Константин. – Я через пять минут выйду.

Разве могли они знать, что эти пять минут будут для них роковыми? Как так получилось, что Мария подумала, что сын будет с отцом, а Константин был уверен, что он вышел с матерью, – неизвестно. Только до конца своей жизни они будут вновь и вновь возвращаться к этому эпизоду, чтобы понять, как такое могло произойти.

Мальчик пропал!

Они обыскали всю близлежащую местность, исходили многие километры, каждого встречного дотошно расспрашивали о малыше, но все было безрезультатно. Миновал уже месяц, как у Константина закончился отпуск, но ни о каком возвращении в Казахстан, естественно, не могло быть и речи. Нет слов описать горе родителей! Константин как-то в одно мгновение постарел, осунулся, глаза впали, а под ними темнела синева. Мария плакала только по ночам, а днем держалась, все-таки нужно было думать и о том малыше, который растет у нее под сердцем. К тому времени они покинули санаторий, денег оставалось совсем мало, и супруги поселились в частном домике вблизи пещер. Здесь же неподалеку находился мужской Ново-Афонский монастырь, и в том ужасе, в каком пребывали Константин и Мария, монастырь был спасительной соломинкой. Они часто ходили туда, беседовали с монахами. Монастырь только недавно отдали в ведение церкви, и там только начиналась монашеская жизнь. Храмы и здания требовали ремонта и восстановления. Но служба уже здесь велась, и это было для Марии и Константина очень важно.

Наступила осень, а о малыше так ничего и не было слышно. По ночам стали раздаваться выстрелы, и слово «война» уже стало реальностью, которая вот-вот проявится во всю силу. И Константин уговорил Марию уехать домой. Она вначале ни за что не соглашалась оставлять мужа, а самое главное – то место, где исчез их сын. Ведь каждый рассвет они встречали с одной-единственной надеждой, что их сын найдется. Но потом Мария согласилась, поскольку действительно нужно было подумать о рождении нового малыша, а здесь, в Абхазии, не только не было минимальных условий для роженицы, но и существовала опасность для жизни любого человека.

Они стояли, обнявшись, на перроне. Мария плакала.

– Береги себя и Аннушку, – сказал Константин на прощанье.

– А ты обязательно найди сына! – сквозь слезы промолвила Мария.

– Найду, обязательно найду, Машенька! – бежал и кричал вслед уходящему поезду Константин.

Глава 2. Страстные дни Нового Афона

Константин остался один и теперь, не связанный никем и ничем, решил двинуться в горы. Он уже давно намеревался отправиться на поиски старцев, живущих где-то в тайных горных пещерах, но не мог сделать этого из-за Марии, которую не хотел оставлять одну. Тянуть же в горы беременную женщину было безрассудством. Хотя сама Мария, узнай она о намерениях своего супруга, непременно последовала бы за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.